
**«Старик Наслышка»:
неформальные образы внешнего мира
в советском обществе 1920-х гг.**

Александр Голубев

**«Old Fellow, called Hearsay»:
informal images of the external world in the Soviet society of the 1920s**

Aleksandr Golubev

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.7868/S086956871803007X

В начале декабря 1922 г. в безлюдной степи где-то в Астраханской губернии упал небольшой метеорит. Его падение видели, и была даже организована специальная экспедиция. Метеорит найти (по крайней мере, сразу) не удалось, однако по нескольким губерниям тут же поползли самые неожиданные слухи — например, о том, что он перебил или, наоборот, не тронул коммунистов и т.д. Одни утверждали, что метеорит был золотой и «Англия объявляет России из-за него войну, а потому и очередной набор 1902 года». Другие считали его бриллиантовым и надеялись, что «два года продналога брать не будут — брильянтов из камня хватит». Третьим он представлялся серебряным, и, по их словам, теперь его «Америка хочет забрать себе, в противном случае она пойдёт на Россию войной»¹. Конечно же, столь необычное событие могло самым неожиданным образом отразиться в традиционном сознании, но характерно, что значительная часть слухов была связана с внешним миром и прежде всего — с ожиданиями войны, широко распространёнными в советском обществе в те годы². И в неформальных представлениях и оценках внешнего мира, выражавшихся в слухах, «образ Запада» устойчиво ассоциировался с источником военной угрозы.

В.В. Кабанов рассматривает слухи как один из интереснейших источников, отражающих глубинные слои общественного сознания³. Однако авторы обобщающей монографии упоминают о слухах лишь в связи с характеристикой дневников, мемуаров, писем, документов органов власти, наблюдавших за настроениями общества⁴. Действительно, даже рассматривая слухи в качестве самостоятельного источника, исследователь всё же не может игнорировать специфику тех текстов, в которых они до нас дошли. Поэтому лишь при комплексном подходе, учитывающем содержание и степень распространённости тех или иных слухов, а также обстоятельства, при которых они были зафиксированы, можно

© 2018 г. А.В. Голубев

¹ *Шафир Я.* Газета и деревня. М.; Л., 1924. С. 110.

² Подробнее см.: *Голубев А.В.* «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920-е — 1940-е годы. М., 2008.

³ *Кабанов В.В.* Источниковедение истории советского общества. Курс лекций. М., 1997. С. 360—383.

⁴ *Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика.* М., 2004. С. 145, 275.

с уверенностью реконструировать проявившиеся в них представления советского общества о внешнем мире.

Отнюдь не только во времена Ренессанса, как писал М. Блок, «по раблезианскому мифу, царил Старик Наслышка»⁵, у которого, согласно роману, имелось множество ушей, а «рот... был до ушей, во рту болталось семь языков, и каждый язык был рассечён на семь частей; неизвестно, как он ухитрялся, но только говорил он всеми семью языками одновременно о разных вещах и на разных наречиях»⁶. В массовом сознании традиционная культура зачастую отсекала рациональные соображения и привносила свои, фантастические трактовки. В огромной степени это относится и к отражению внешнего мира. В стране, где основная часть населения обладала лишь элементарной грамотностью или просто оставалась неграмотной, именно в слухах чаще и полнее всего выражались внешнеполитические стереотипы. Как справедливо утверждал в 1920-е гг. журналист Я. Шафир, «сведения о нашей внутренней и внешней политике, о событиях международной жизни деревня черпает не из газет»⁷.

Вместе с тем устоявшееся мнение о том, будто слухи свойственны прежде всего традиционному обществу или социальным группам, склонным к традиционализму (например, крестьянству), не подтверждаются современными социологическими исследованиями. Изучая итоги опросов начала 1990-х гг., социологи пришли к неожиданному выводу: «Чем выше уровень образованности и выше материальный достаток, тем больше предрасположенность к слухам»⁸. Фактически «в условиях фундаментальных изменений объёма, структуры, формы подачи, сущностного содержания информационных сообщений, их неполноты, односторонности, неоперативности слухи реализуют функцию самоинформирования общества. Они есть вербальная реакция массового, группового или индивидуального сознания на событие, не получившее своевременной исчерпывающей официальной интерпретации»⁹. Следует также учитывать, говоря о ситуации 1920–1930-х гг., что «слухи, как вид коммуникации, распространяются стихийно, но предпочитают “свою” публику, которая приспособливает их достоверность к своему опыту и ожиданиям. Посредством устной речи не просто “движется информация” внутри одной социальной группы, но противостоящие участники стремятся переориентировать друг друга, т.е. достичь определённого изменения поведения. Несмотря на то что слух, распространяясь, сильно деформируется (“испорченный телефон”), в “тоталитарном” обществе ему доверяют особенно»¹⁰.

Имеющиеся источники позволяют говорить прежде всего о содержании, времени появления, отношении к реальности и эмоциональной окрашенности «внешнеполитических» слухов 1920-х гг., но об их происхождении, как правило, остаётся только догадываться, а о распространённости можно судить лишь по числу упоминаний. При этом очевидно, что в основном источнике — материалах ОГПУ — отразились преимущественно негативные, с точки зрения представителей власти, отзывы, и уже это даёт достаточно искажённую картину¹¹.

⁵ Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1986. С. 77.

⁶ Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 1973. С. 681–682.

⁷ Шафир Я. Указ. соч. С. 99.

⁸ Хлопьев А. Т. Кривые толки России // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 22.

⁹ Хлопьев А. Т. Кривые толки... С. 21.

¹⁰ Орлов И. Б. Устная история: генезис и перспективы развития // Отечественная история. 2006. № 2. С. 145.

¹¹ Подробнее см.: Голубев А. В. «Если мир обрушится на нашу Республику»... С. 90–92.

Систематически отслеживать и изучать слухи, ходившие в «народе» и в «русском обществе», начали довольно давно. Этим занимались и чиновники III отделения Собственной е.и.в. канцелярии (а позднее — Департамента полиции), и демократы-разночинцы. В частности, большой интерес к слухам проявляли в своих дневниках Л.В. Дубельт и Н.А. Добролюбов¹². 31 июля 1914 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков обращал внимание губернаторов на то, «что в некоторых местностях империи под влиянием вздорных, возбуждающих и злонамеренных слухов начинаются весьма нежелательные брожения в среде сельского населения». «Время войны, — напоминал Николай Алексеевич, — есть время особой возбудимости и нервности населения, лишённого правдивого осведомления о текущих событиях и потому легко воспринимающего всякие слухи, чем и пользуются злонамеренные лица. Явление это вынуждает власть стать ныне в особо близкое непрестанное соприкосновение с местным сельским населением, чутко прислушиваясь к его интересам, осведомляя его, в пределах возможности, о происходящих событиях и парализуя немедленно вздорные и вредные слухи, проникающие в его среду..., надлежит с особою зоркостью следить за настроением населения и за деятельностью злонамеренных лиц, сеющих в его среде ложные и возбуждающие слухи с целью вызвать в народных массах недоброжелательство к правительству и склонить их к нарушению закона и порядка»¹³. Однако на местах полицейские и жандармские чины, пресекая антиправительственную агитацию, порой не придавали особого значения слухам как таковым. Так, жандармский унтер-офицер Михеев сообщал в ноябре 1916 г. о том, что в Козьмодемьянском уезде Казанской губ. «должностные лица и крестьяне разговаривают разнообразно, большинство из газет; но настроение терпимое; есть слухи разные и ложные, ни на чём не основанные, вообще чувашская и черемисская сплетня, которая и проходит бесследно и безвредно для дела»¹⁴.

В 1925 г. С.Н. Чернов, работая с материалами пушкинской эпохи, отметил, что «изучение слуха как исторического источника, можно сказать, едва только ставится», хотя «для историка-исследователя он представляет огромный интерес»¹⁵. Позднее в работах, посвящённых настроениям крестьян, преимущественно XVIII—XIX вв., не раз анализировались толки, сохранившиеся в мемуарах, публицистике, разного рода полицейских документах¹⁶. Впрочем, сюжеты, связанные с восприятием внешнего мира, упоминались при этом лишь вскользь, исключение составляла, пожалуй, лишь книга А.В. Буганова¹⁷. Постепенно стали появляться и работы, посвящённые слухам советского времени.

В годы Гражданской войны огромная страна, охваченная смутой, рассечённая фронтами, лишённая зачастую сколько-нибудь достоверной и объективной

¹² Заметки и дневники Л.В. Дубельта // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.). Вып. VI. М., 1995. С. 106—335; Добролюбов Н.А. Дневники. М., 1931. См. также: Добролюбов Н.А. Собр. соч. В 9 т. Т. I. М.; Л., 1961. С. 108—109.

¹³ Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны. Июль 1914 г. — февраль 1917 г. Сборник документов. М.; Л., 1965. С. 43—44.

¹⁴ Козьмодемьянск в 1914—1916 годах: неизвестные документы по истории города периода Первой мировой войны // Марийский археографический вестник. 2008. № 18. С. 117.

¹⁵ Чернов С.Н. У истоков русского освободительного движения. Избранные статьи по истории декабризма. Саратов, 1960. С. 329.

¹⁶ Библиографию по этой проблематике см.: Побережников И.В. Слухи в социальной истории: типология и функции (по материалам восточных регионов России XVIII—XIX вв.). Екатеринбург, 1995.

¹⁷ Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992.

информации, оказалась во власти слухов, нередко заменявших газеты, которые накануне и в период Первой мировой войны служили основным источником сведений о внешней политике не только для города, но и в значительной мере для деревни. Так, в одной из волостей Тверской губ. количество получаемых газет в 1913 г. составляло 31 тыс. экземпляров. К 1923 г. оно сократилось до 2 тыс.¹⁸ «Деревня без газеты — это значит, что информацию о том, что происходит во внешнем для крестьянина мире, деревня получает из подозрительных источников, в чудовищно-нелепом, политически диком освещении», — констатировал Шафир. «Борьба, ведома нами на идеологическом фронте, почему-то, главным образом, направлена против “книжно-журнальной” контрреволюции, словом — против “письменной” идеологии, — недоумевал партийный журналист. — На самом деле, у нас главнейшая часть идеологического фронта находится в деревне, где идеологическая работа наших врагов носит исключительно устный характер... У нас, где большинство населения неграмотно, устная “словесность” играет особенно существенную роль»¹⁹. Эти рассуждения вполне соответствовали установкам партийного руководства. К примеру, в информационной сводке татарского обкома ВКП(б) 3 ноября 1929 г. отмечалось, что «наиболее распространённым методом борьбы кулака против партии и соввласти является искажение действительного положения вещей и муссирование ложных и провокационных слухов»²⁰.

Не случайно уже в 1920-е гг. в СССР была создана развёрнутая система информирования высшего руководство о ситуации в стране и настроениях населения. ОГПУ—НКВД готовили ежедневные или еженедельные сводки по губерниям, а также объёмные доклады «О политическом состоянии и экономическом расслоении деревни», о низовом советском аппарате и проч. Вершину этой пирамиды составляли секретные ежемесячные «обзоры политического и экономического состояния республики», подготовленные Информотделом ОГПУ и рассылавшиеся по нескольким десяткам адресов. Всего в Центральном архиве ФСБ РФ (а частично и в фондах партийных организаций) сохранилось 82 таких обзора за 1922—1929 гг.²¹ Конечно, эти обзоры представляли собой лишь один (возможно, самый полный и относительно достоверный) канал информации. Но поскольку теперь доступен весь их массив, можно судить о том, какое место в нём занимал пересказ слухов, какое значение им придавалось и какие именно темы больше всего интересовали советское руководство²².

Характерно, что слухи «отрицательные», «панические» и «антисоветские» упоминались практически во всех случаях, где говорилось о настроениях населения, а их содержание могло быть самым разным (повышение или снижение

¹⁸ *Большаков А.М.* Деревня 1917—1927 гг. М., 1927. С. 300.

¹⁹ *Шафир Я.* Указ. соч. С. 5, 113.

²⁰ Цит. по: *Давыдов Д.* «А беззубые старухи их разносят по умам...» Как боролись с крестьянскими слухами в 1920-е годы // *Родина*. 2010. № 8. С. 109.

²¹ См.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). Т. 1—7. М., 2001—2004. С 1930 г. подготовка ежемесячных обзоров была прекращена.

²² Часть этих обзоров и других источников была опубликована в фундаментальных сборниках «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы в 4 тт.» (Т. 1—4. М., 1998—2012) и «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах» (Т. 1—5. М., 1999—2004). Однако их составители опустили большую часть разделов о слухах, тем более связанных с войной. Это привело к тому, что в ряде обобщающих работ о крестьянстве 1920-х гг., основанных прежде всего на этих публикациях, тема внешнего мира и военной угрозы отсутствует вовсе. См., например: *Климин И.И.* Российское крестьянство накануне «великого перелома» (1928—1929 гг.). СПб., 2010.

налогов, разногласия в партии, нехватка хлеба, грядущая война и т.д.). В некоторых обзорах встречаются разделы и подразделы, специально посвящённые слухам. При этом наблюдается практически стопроцентная корреляция между подобными заголовками и их содержанием — и почти всегда речь в них шла о «военной угрозе». Общество, только что пережившее Германскую, Гражданскую, Польскую войны, болезненно относилось не только к потенциальной, но даже к призрачной внешней опасности. С другой стороны, противникам советской власти именно международный конфликт давал шанс на свержение существующего строя.

При этом на обширной российской территории встречались районы и города, куда даже слухи не доходили. Так, в январе 1925 г. участник I Всесоюзного учительского съезда И.Я. Пейсель из Обдорска (как до 1933 г. назывался Салехард) писал в ответе на анкету: «Во всём городе получают лишь 12 (видимо, экземпляров. — А.Г.) газет и журналов. По приезде в Москву и выслушании съездовских докладов, мы сразу почувствовали себя выросшими, так как узнали многое из того, что не доходило в Обдорск даже в форме слухов. Я возвращаюсь со съезда, так сказать, начинённый знаниями и знакомством с политической обстановкой не только в нашей стране, но и на Западе»²³.

Судя по материалам «Гарвардского проекта», в 1930-е гг. слухи служили основным источником информации для 60% колхозников, 34% представителей интеллигенции, 43% рабочих (для квалифицированной их части этот показатель составлял 26%)²⁴. Данные 1920-х гг., может быть, менее полные, дают схожие результаты. Так, школьники, как было установлено одним из обследований, черпали свои социально-политические представления преимущественно из домашних или уличных разговоров и т.п. На них ссылались свыше 20% опрошенных; на втором и третьем месте оказались занятия по политграмоте и чтение газет и другой литературы²⁵. Однако необходимо учитывать, что слухи о внешнем мире появлялись, как правило, на основании газетных публикаций.

В историографии неоднократно отмечалась связь слухов о войне не только с «военной тревогой» 1927 г., но и с коллективизацией. Иногда в них даже усматривают одну из форм неприятия коллективизации. Но на самом деле подобные слухи сопровождали не только все международные кризисы (включая малозначительные), но и буквально все мероприятия советской власти с 1922 г. по начало 1930-х гг. Так, снятие колоколов с церковей в ходе антирелигиозной кампании неожиданно напомнило крестьянам о временах Петра: прошёл слух, что колокола перельют на пушки. Приезд секретаря ЦК ВКП(б) В.М. Молотова в Курскую губ. в 1925 г. в деревнях объясняли «неладными взаимоотношениями с западными государствами, в частности с Америкой, говоря, что что-то уж больно изъездила наша власть, волнует их там, что дела СССР плохи, вот теперь и ездят по местам, чтобы задобрить мужичков, в случае трахнет Америка по голове — то вы, мол, мужички, не подкачайте»²⁶. А проведение всесоюзной переписи 1926 г. заставляло думать, что, «наверно, скоро будет война: перепишут, узнают, сколько

²³ Цит. по: *Дробот В.* Великий перелом (учительство о себе). М., 1925. С. 66.

²⁴ *Кодин Е.В.* «Гарвардский проект». М., 2003. С. 143.

²⁵ *Бернштейн М., Гельмонт А.* Наша современность и дети: Педологическое исследование о социальных представлениях современных школьников. М.; Л., 1926. С. 174.

²⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 87, д. 187, л. 20; д. 188, л. 1.

населения, и объявят её»²⁷. Применение чрезвычайных мер при хлебозаготовках также связывалось с подготовкой к войне. Говорили, что меняется политика, вновь вводится продразвёрстка, и вслед за хлебом последует конфискация скота и инвентаря, так как «скоро будет война, скоро будет голод, и поэтому выколачивают хлеб... правительство хочет откупиться от войны хлебом»²⁸.

Ходили и весьма экзотические слухи. Так, избрание в 1925 г. немецким президентом П. фон Гинденбурга неожиданно породило целую волну разговоров о том, что теперь и в России, которая, как и Германия, пережила революцию, будет избран президент. Новое слово неожиданно стало очень популярным (при этом часто делались оговорки, что президент, в сущности, тот же царь, только выборный, а значит справедливый). «У нас должно быть новое правительство, — полагали крестьяне Акмолинской губ., — ибо Германия, Англия и Польша предложили Советской власти до 1 мая снять всех коммунистов, взамен же их избрать президента, в противном случае, если не будет избран президент, а коммунисты не сняты с должностей, то эти государства на Россию пойдут войной, а разбив её, установят выборного президента»²⁹.

Слухи о начале войны порою носили совершенно определённый и конкретный характер — указывались не только возможные сроки, участники и театры военных действий, но даже точные сценарии начала конфликта. Как правило, они сводились к наступлению поляков на западной границе (или, соответственно, японцев на восточной), либо к англо-французскому десанту на Чёрном или Балтийском море. Всё это опиралось на опыт Гражданской войны и представлялось вполне логичным. Но развитие военной техники, о котором, кстати, охотно и подробно писала советская пресса, создавало в воображении более устрашающие перспективы. Так, в Сталинградской губ. в сентябре 1925 г. утверждали, что «поляки повели наступление на нашу границу с танками, из которых выбрасывали усыпляющий белый газ, от которого красноармейцы засыпали, поляки у спящих красноармейцев проверяли, есть ли у них кресты, и у кого есть, того оставляли живыми, а у кого нет — убивали»³⁰.

Химическое оружие, и особенно «газы», часто упоминались в разговорах о будущих боях. Это объяснялось воспоминаниями о газовых атаках времён Первой мировой войны и стараниями прессы, постоянно писавшей об ужасных последствиях применения отравляющих веществ. В народе же толковали о том, что империалисты хотят «отравить газами всех тех крестьян, которые шли в 1918 и в 1919 году за власть советов»³¹. Впрочем, те же «газы» могли рассматриваться и как особое, гуманное по сути оружие: «Скоро Англия и Франция пойдут войной на Россию, но народ убивать не будут, а лишь будут усыплять и за это время обезоруживать и убивать коммунистов... Пускают вперёд аэропланы, которые выпускают усыпляющие зелья, после чего наши войска обезоруживаются и отпускаются домой... С польской границы Николай Николаевич ведёт наступление на пограничные отряды с помощью газа, который на людей не действует, а только оружие приводит в негодность... Уже осаждают Москву, пускают

²⁷ Центр документации общественных организаций Свердловской области, ф. 4, оп. 5, д. 32, л. 6.

²⁸ Цит. по: Есиков С. Хлебозаготовительный кризис и социально-политическая ситуация в деревне Центрального Черноземья (1927–1929 гг.) // XX век и сельская Россия. Токио, 2005. С. 140.

²⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 87, д. 188, л. 71.

³⁰ Там же, д. 189, л. 114.

³¹ Кабанов В.В. Советская история в слухах // История. 1997. № 29. С. 2.

усыпительные газы и Москва трое суток, якобы, из-за этих газов уже спала, и у всех коммунистов во время сна отобрали оружие»³².

Народная фантазия предсказала даже биологическое оружие, которое в то время, кажется, всерьёз не предполагалось использовать ни в одной армии. Так, из Омского округа сообщали о появившемся будто бы чудесном ребёнке, который сразу после рождения потребовал себя окрестить и, пока совершался обряд, поведал, что «в этом году будет самая сильная война, такая война, которая уничтожит весь народ в Советском Союзе (аэропланами, газами, орудиями и ружьями). Кроме того, с аэропланов и вообще будут разбрасываться всякие дурные заразные болезни, от которых умрут все мужчины, женщины и дети, но дети, пожалуй, не все умрут»³³.

Кстати, аэропланы, явление для деревни непривычное, нередко фигурировали в самых сказочных слухах, например, описывавших начало войны «в виде налёта аэропланов на Москву, Ленинград и другие крупные города, которые (аэропланы. — А.Г.) разгонят правительство, так что никакой мобилизации Советская власть сделать не успеет»³⁴. Согласно другому рассказу, «ходила гражданка в лес, увидела [—] летал аэроплан, и ей кричали с аэроплана, если есть у вас, тётка, дети, собирай их на войну, скоро откроется война и посадят на трон царя. Будто эта гражданка кричала на аэроплан “бросьте мне кусочек хлеба”, и ей с аэроплана кинули полбуханки»³⁵.

Не менее пёстрыми и порой неожиданными были народные представления о потенциальных противниках СССР. В 1920-е гг., если верить слухам, самым опасным и очевидным врагом являлась Англия. О недавней интервенции союзников хорошо помнили, в частности, на Севере. В апреле 1923 г. в Архангельской губ. были зафиксированы толки о высадке ими десанта для захвата Архангельска. С другой стороны, именно признание Англией СССР в феврале 1924 г. рассматривалось крестьянами Коми как признак укрепления советской власти³⁶.

Постепенная нормализация англо-советских отношений также истолковывалась по-разному. С 1924 г. постоянно возникали слухи о том, что какая-то часть Русского Севера будет передана Англии³⁷. Так, в сентябре 1924 г. в Печорском уезде обсуждалась предстоявшая якобы уступка Англии Архангельской губ. (включая и сам уезд). А летом 1926 г. в Архангельском уезде заговорили, будто «Вологодская, Архангельская и Олонецкая губернии проданы Соввластью Англии за старые царские долги, что скоро мы все будем под властью англичан»³⁸.

С весны 1927 г. очередное столкновение Москвы и Лондона вновь породило слухи о грядущей войне из-за того, что Англия, так и не получив долги, требовала у СССР взамен три губернии — Архангельскую, Вологодскую и Коми АО³⁹.

³² РГАСПИ, ф. 17, оп. 87, д. 195, л. 59 об.; д. 188, л. 70; д. 189, л. 88.

³³ Центр документации новейшей истории Омской области, ф. 425, оп. 1, д. 287, л. 20.

³⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 87, д. 180, л. 96.

³⁵ Цит. по: *Кабанов В.В.* Советская история в слухах. С. 2.

³⁶ ВЧК—ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921—1927 годы (По материалам информационных сводок ВЧК—ОГПУ). Сыктывкар, 1995. С. 60, 68.

³⁷ Эти слухи оказались на редкость устойчивыми: они были зафиксированы, в частности, в Архангельске в июне 1944 г. Жителей города тогда волновал вопрос: «Правда ли, что благоустривают города Архангельск и Молотовск (с 1957 г. Северодвинск. — А.Г.) в связи с передачей их в аренду Англии». См.: *Голубев А.В., Поршнева О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. С. 345.

³⁸ ВЧК—ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства... С. 80, 119.

³⁹ Там же. С. 145.

Ожидание английской интервенции принимало и совершенно гротескные формы. Так, накануне Первомайских праздников 1927 г. один из крестьян Псковской губ. предупреждал: «Скоро придут из Китая англичане и всех перережут»⁴⁰.

Впрочем, высадка англичан пугала далеко не всех. Тогда как одни были уверены, что англичане нападут и увезут весь лес, другие им возражали: «Пусть придёт Англия, худого нам ничего не сделает. Если коммунисты и в дальнейшем будут так руководить, то мы готовы связаться с Англией». Третьи мечтали: «Хорошо бы нас завоевала Англия, чтобы Чемберлену прилететь сюда, наш брат крестьянин всех коммунистов уничтожит». В то же время один из крестьян Сысольского уезда Коми АО летом 1927 г. уверенно говорил односельчанам: «Английские капиталисты знают безнадёжность шансов победы [над] СССР в случае войны, ибо наш Союз крепок и силен, и при том же, в случае нападения СССР будет поддерживать пролетариат всего мира, поэтому англичане не смеют выступить против нас»⁴¹.

Характерно, что Германия, несмотря на опыт недавней войны, в ряду потенциальных противников упоминалась крайне редко, и, как правило, лишь в тех случаях, когда перечислялись практически все крупные державы. Иногда говорилось, что в Германии формируются войска белогвардейцев для похода в СССР (на самом деле никаких белых частей там не было). Советские граждане опасались, что Германия может выступить против СССР под давлением других держав: «Англия путём нажима добьётся вмешательства в наши дела Польши и Германии и завоюет наши рынки... Америка и Англия заставляют Германию начать войну с СССР, на что дают необходимые средства» и т.д.⁴² Лишь в единичных случаях в Веймарской Германии усматривали инициатора новой войны. Даже осложнения, возникавшие время от времени в советско-германских отношениях, массовым сознанием воспринимались относительно спокойно и не вызывали всплеска слухов о неизбежном в ближайшем будущем нападении.

Более того, в отличие от других западных государств, Германию иногда считали вероятным союзником в грядущей войне, причём от неё ожидали не просто нейтралитета, но и прямой поддержки. Так, в октябре 1926 г., одновременно с обсуждением перспективы разрыва с Варшавой, появились слухи о том, что «приехавшие в СССР немецкие делегаты призывали русских рабочих соединиться с ними для совместной борьбы с Польшей»⁴³. Даже какое-нибудь рядовое событие, например, приезд германской делегации, могло оказать позитивное влияние на настроения в СССР. Когда в августе 1925 г. буквально по всей стране говорили не то о начале, не то о близости вооружённого конфликта в Европе, в сводках ОГПУ отмечалось, что в некоторых районах Центральной России «население истолковывает приезд делегации (из Берлина. — А.Г.) как предотвращение скорой войны»⁴⁴. Лишь после прихода к власти нацистов в 1933 г. Германия постепенно начинает восприниматься как потенциальный противник.

Слухи о возможности войны между Францией и СССР фиксировались достаточно редко и в основном в 1922–1924 гг.⁴⁵ Впоследствии лишь однажды

⁴⁰ «Совершенно секретно»... Т. 5. М., 2003. С. 369.

⁴¹ ВЧК—ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства... С. 146, 148, 152.

⁴² РГАСПИ, ф. 17, оп. 87, д. 189, л. 85; д. 181, л. 88.

⁴³ Там же, д. 200а, л. 144.

⁴⁴ Там же, д. 189, л. 33.

⁴⁵ См., например: «Совершенно секретно»... Т. 1. М., 2001. Ч. 1. С. 188; Ч. 2. С. 689, 826, 833; Т. 2. М., 2001. С. 187; Т. 3. М., 2002. Ч. 1. С. 219–222, 237; Ч. 2. С. 619; и др.

Франция упоминалась в качестве главного организатора войны против СССР: в марте 1925 г. толковали, будто «Францией создан блок против СССР, что решено поставить в русские цари Кирилла и что свержение Советской власти неизбежно»⁴⁶. Конечно, в перечне враждебных капиталистических стран Франция неоднократно упоминалась и позднее, но обычно после Англии, Польши, а порой и Америки. В целом в 1920-е гг. Франция вообще занимала поразительно незначительное место в представлениях советских людей о международных делах.

Что касается соседних с СССР стран, то, помимо возможности их участия во всеобщей войне, развязанной «Западом» против СССР, слухи о вооружённом столкновении с ними постоянно возникали из-за различных пограничных «инцидентов» и трений. Отношения СССР с большинством соседей в 1920-е гг. были по меньшей мере напряжёнными. Существовали взаимные территориальные претензии (с Польшей, Румынией, Эстонией). На польской, финляндской, румынской границах время от времени происходили стычки. В январе, июне и июле 1925 г. на Ямпольском участке советско-польской границы (в Винницкой обл.) часто вспыхивала перестрелка. В результате уже в мае слухи о войне были зафиксированы в 18 губерниях, а в сентябре — в 35. «Чаще всего говорят о войне с Польшей, реже — об интервенции со стороны Англии, Франции, Америки», — сообщало ОГПУ⁴⁷. Изменения цен на хлеб, очередной призыв в армию, появление в небе самолётов ближайшей авиачасти — всё списывалось на войну с Польшей.

В апреле 1925 г. в Болгарии во время панихиды в Софийском кафедральном соборе взорвались две «адские машины». Погибло свыше 150 человек, несколько сотен получили ранения, пострадали в том числе и члены правительства. В стране было введено осадное положение, начались массовые аресты коммунистов. Болгарский премьер-министр А. Цанков объявил, что найдены документы Коминтерна о назначенном якобы на 15 апреля восстании, сигналом к которому являлись поджоги и взрывы. Впрочем, народный комиссар иностранных дел СССР Г.В. Чичерин резко отрицал подобные обвинения и охарактеризовал взрыв как «яркое проявление отчаяния народа»⁴⁸. Постепенно обстановка нормализовалась, однако в СССР несколько месяцев ходили упорные слухи о том, что война с Болгарией либо вскоре начнётся, либо уже идёт, поскольку «все иностранные державы по поводу взрыва Софийского собора пришли к соглашению во что бы то ни стало перебить всех большевиков». Любопытно, что перспективы Советской России в этом конфликте оценивались, как правило, пессимистически. «Болгары не то что наши русские, — говорили в июне 1925 г. на Северном Кавказе, — они сразу возьмут в работу СССР. Ведь Антанта им разрешила иметь до 10 000 войска»⁴⁹.

Постоянное ожидание войны неизбежно порождало и слухи, объяснявшие, почему она всё же не начинается. Чаще всего это связывалось с тайными уступками: «Советская власть держится только потому, что за все недоразумения иностранцам она платит или золотом, или хлебом в натуре». Время от времени толковали, будто Англии отдали Архангельск, каменноугольную промышленность Донского бассейна и Урала, а золотопромышленность Сибири и Сахалина передали Японии — «чтоб не нападали»⁵⁰. В результате очередного учёта лошадей

⁴⁶ Там же. Т. 3. Ч. 1. С. 219.

⁴⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 87, д. 188, л. 55.

⁴⁸ Правда. 1925. 22 апреля; Документы внешней политики СССР. Т. 8. М., 1963. С. 242–243.

⁴⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 87, д. 188, л. 149, 121.

⁵⁰ Там же, д. 180, л. 103; д. 188, л. 40.

возник слух, согласно которому «сейчас каждый год у крестьян будут забирать лошадей, потому что Советская Россия должна их отдавать англичанам, иначе будет война»⁵¹. В российской деревне, где главной ценностью по-прежнему оставалась лошадь, такое утверждение звучало вполне правдоподобно.

Сохранение мира приписывали даже усилиям эмигрантов, в частности тех же великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича, которые «всё время ходатайствуют перед этими державами (Англией и Америкой. — *А.Г.*), чтобы они пожалели русский народ и не делали войны»⁵². Но, пожалуй, наиболее интересная версия была высказана в 1931 г. в Вологде, в очереди за мясом, где одни ожидали войну уже ближайшим летом, а другие говорили: «Войны не будет, так как капиталисты ждут, пока в СССР народ сам с голоду умрёт, доказывая свою правоту тем, что при условии мирной обстановки в следующем 1932-м году будет жить ещё трудней, так как у крестьян ничего не осталось, а колхозы в снабжении города сельхозпродуктами не справятся»⁵³.

Как писал В.В. Кабанов, «слухи о предстоящей войне не только нервировали людей, но и оказывали прямое воздействие на экономику, жизненный уровень. Так, в августе 1924 г. в “Крестьянскую газету” пришло письмо, в котором сообщалось, что будто бы “нэпманы, кулаки и вообще враги Советской власти” пустили слух, что “война чуть ли уж не началась, только это скрывают; в связи с этим забронированы продукты: соль, керосин, сахар и др. предметы первой необходимости. Результатом такого слуха было то, что все поверившие этому слуху, а их... было очень много, кинулись на покупку соли, керосина и т.п., а в особенности соли; быстро разобрали имеющуюся в кооперативе, и хлынули к нэповцам”»⁵⁴.

Подводя итог, можно согласиться с мнением Л. Виолы о том, что «для исследователя слухи — это ключ к пониманию крестьянства, его взглядов и верований, обычно скрытых от посторонних глаз»⁵⁵. Однако необходимо добавить, что это относится не только к крестьянству, но и к советскому обществу в целом. Изучение слухов, доминировавших в 1920-е гг., свидетельствует о том, что оно было расколотым, а также социально, политически и психологически неустойчивым. Вследствие недоверия значительной части населения к официальной пропаганде слухи играли исключительно важную роль в распространении информации, связанной с опасениями и надеждами людей, и одновременно являлись важным индикатором, позволявшим власти отслеживать меняющиеся настроения масс.

⁵¹ Там же, д. 188, л. 72.

⁵² Там же, д. 180, л. 108.

⁵³ Вологодский областной архив новейшей политической истории, ф. 1858, оп. 2, д. 26, л. 154.

⁵⁴ Кабанов В.В. Советская история в слухах. С. 2.

⁵⁵ Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010. С. 63.